

УДК 159.922.7

DOI: 10.28995/2073-6401-2019-8-160-170

Память: возвращение к детству

Валерий Д. Губин

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, goubin@list.ru*

Аннотация. Жизнь любого человека во многом обусловлена особенностями младенческого и детского развития. Воспоминания о детстве являются существенным фактором, определяющим развитие и существование человека, возможность его творческой жизни. Чем глубже человек погружается в детские воспоминания, тем больше в нем проступают подлинно человеческие черты: простота, доверчивость, искренность, чувство истины и добра. Воспоминания – основное занятие, позволяющее нам пребывать в духе. Воспоминания детства позволяют нам чувствовать себя живыми, способными к любви и творчеству.

Ключевые слова: память, детство, детские воспоминания, опыт жизни, феномен ребенка, возвращение к детству

Для цитирования: Губин В.Д. Память: возвращение к детству // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 3. С. 160–170. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-8-160-170

A memory. Returning to the childhood

Valery D. Gubin

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, goubin@list.ru

Abstract. The life of any person is largely due to the peculiarities of the infant and the child development. Memories of childhood are an essential factor determining the development and the existence of a person, the possibility of his creative life. The deeper a person descends into childhood memories, the more truly human features appear in him: the simplicity, credulity, sincerity, a sense of truth and goodness. Memories – the main occupation, allowing us to stay in the spirit. Memories of the childhood allow us to feel alive, capable of love and the creative work.

© Губин В.Д., 2019

Keywords: memory, childhood, childhood memories, life experiences, the phenomenon of a child, return to childhood

For citation: Gubin, V.D. (2019), "A memory. Returning to the childhood", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 160-170. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-8-160-170

Человек всю жизнь вспоминает свое детство и мечтает, сознательно или бессознательно, вернуться в детские годы, чтобы пережить радостные мгновения любви близких, вернуться к свежести восприятия и способности удивляться. Детство занимает особое место в памяти любого человека как период жизни, в котором мир открывался нам совсем другим, чем в зрелые годы:

Из эпохи детства, – писал Франк, – в нас всплывают воспоминания о состоянии, в котором каждый клочок мира, каждая вещь и каждое явление представлялись нам непостижимой тайной. Мир был для нас миром сплошных чудес, возбуждающим радость, восхищение, изумление или ужас. Может быть, это было плодом невежества и умственной беспомощности, или, может быть, мы чувствовали что-то реальное, что от нас ускользает. Какие-то остатки этого жизнечувствия блаженного детства продолжают жить в нас и позже [Франк 1990, с. 191].

В нашей памяти хранятся и счастливые мгновения озарения, душевного волнения, сбывшиеся или несбывшиеся мечты и надежды. Человек, по каким-либо причинам отрезанный от этого богатства, представляет собой бесплотную тень, которая живет в призрачном плоском мире, лишенном рельефа и глубины. Только память делает возможными и наши чувства, и наши переживания, и сознание в целом. И пока мы прислушиваемся к своей памяти, вглядываемся в ее глубины, она является мощным препятствием против лени ума, душевной вялости и угрожающего безумия.

Мы любим в детях, – писал М. Пришвин, – то самое, что храним в себе с детства как лучший дар нашей жизни, и эту нашу прелесть стараемся по-разному воплотить: одни, и этих большинство, определяются с этим даром в семье, другие, кому семейное счастье недоступно, достигают его в искусстве. Третьи, не исчерпываясь до конца ни в семье, ни в искусстве, хранят своего младенца в себе до глубокой старости, и это делает их мудрецами [Пришвин 2017, с. 17].

Наибольший интерес представляют собой эти «третьи» люди, в которых детские воспоминания настолько сильны и ярки, что формируют их жизнь и творчество.

Ребенок пытается запомнить мир таким, каким он был «на самом деле». Он фантазирует и выдумывает события и обстоятельства прошлой жизни, но то, что мы потом вспоминаем из детских лет, обладает особой силой, в каком-то смысле похоже не на факты прошлой жизни, а на откровение. Ребенок всегда поражает необыкновенной памятью, необычайной яркостью и свежестью восприятия, удивительным чутьем по отношению к окружающим людям. У каждого маленького человека, живущего в нормальных условиях, проявляются эти черты и способности, как правило, они никого не удивляют и кажутся естественными. Хотя удивляться есть чему, ибо здесь мы имеем дело с необъяснимым и таинственным феноменом нашего бытия.

Жизнь любого человека во многом обусловлена особенностями младенческого и детского развития. Младенец, эта «выявленная мысль Божия» (В. Розанов), необычным образом отличается от взрослого. Достоевский, говорит Розанов, тонко заметил, что для понимающего человеческую природу невозможно без слез смотреть на младенца. Откуда же это трансцендентное волнение в нас? Может быть, младенец пробуждает в нас воспоминание об «иных мирах», только что им оставленных, и еще несет на своих губах, в своих глазах их свежесть, яркость и святость.

Около младенца всякая взрослая добродетель является ограниченной, почти ничтожной, и человек, чем дальше отходит от момента рождения, тем больше становится обычным, ничем не выдающимся индивидом. Его изначальная одаренность действительно представляется даром свыше, а затем ее уже невозможно специально удержать никаким воспитанием и обучением, по крайней мере в таком широком диапазоне. Человек как бы темнеет, становится обыкновенным и заурядным.

«В сиянии младенца, – пишет Розанов, – есть ноуменальная, по-ту-светная святость, как бы влага, еще не сбежавшая с ресниц его». [Розанов 1999, с. 215]. Вообще сущность христианства, полагал он, есть поклонение *Богу во младенце*, суть антихристианства – древний дракон, борьба против младенцев, Ирод и т. д.

В Евангелии от Матфея Христос говорит: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в Царство Небесное». Феномен ребенка как некий вечный архетип прослеживается на всех этапах истории человеческого духа. Ребенок рассматривается не просто как необходимая ступень развития человека, это не начало становления человека, а высшая форма. Ницше в

притче о трех превращениях» говорил, что сначала дух становится верблюдом, потом львом и, наконец, ребенком – символом высшей формы духа. «Дитя есть невинность и забвение, новое начинание, игра, самокатящаяся колесо, начальное движение, святое слово утверждения» [Ницше 1990, с. 19].

В детстве в человеке проступает что-то не только до-человеческое, поскольку человек здесь не вышел еще полностью из природного состояния, но и сверхчеловеческое, непонятное, невыразимое в простых повседневных словах. Часто дети проявляют мудрость, на которую не способны многие взрослые¹, а великие люди в некоторых вещах всю жизнь остаются детьми. Будучи взрослыми, они продолжают играть, вследствие чего кажутся иногда своим современникам странными и непонятными.

Воспоминания о детстве являются важным фактором, определяющим развитие и существование человека. То, что удается вспомнить, – более того, постоянно вспоминать всю жизнь, – это, возможно, самое главное, на что можно опереться и из чего создавать, чем укреплять постоянно разваливающуюся жизнь.

Конечно, время детства – это время подготовки ко взрослой жизни. Но детство – это еще и самоцель, особый, не сводимый ни к какому другому периоду этап жизни. Ребенок – это совсем другая стихия, особое состояние человека. Может быть, это подарок богов, может быть, модель истинного человека, к появлению которого стремится природа? Человек – не просто продукт биологической или социальной эволюции. Он несет в себе некую метафизичную загадку, загадку своего появления в мире, не объяснимую никакими эмпирическими фактами и логическими теориями.

Что живет в детском сознании и утрачивается во взрослом состоянии? Часто из далекого прошлого – в памяти, снах, мечтаниях – доносятся до нас звуки и голоса иного мира, когда мы были совершенно другими. Чем чаще доносятся, тем более интересным и значительным для самого себя и для других является человек.

Для Ф. Достоевского главным при характеристике ребенка являлось противопоставление не «больших и маленьких», а «челове-

¹ «Пяти-шестилетний ребенок знает иногда о боге или добре и зле такие удивительные вещи и такой неожиданной глубины, что поневоле заключишь, что этому младенцу даны природой какие-нибудь другие средства приобретения знаний, не только нам неизвестные, но которые мы даже на основании педагогики должны бы были почти отвергнуть. ...Он знает о боге, может быть, уже столько же, сколько и вы, а о добре и зле и о том, что стыдно и что похвально, – может быть даже и гораздо более вас...» [Достоевский 1981, т. 23, с. 20]

ка и ребенка». «Дети, пока дети, до семи лет, например, страшно отстоят от людей: совсем будто другое существо и с другою природой», – заявляет Иван в «Братьях Карамазовых». Дети очеловечивают нашу душу одним только своим появлением между нами. Если не было детства, то человек никогда не станет полноценным взрослым. «Человек, который не был ребенком, будет плохим гражданином» [Достоевский 1981, т. 23. С. 179].

Детство – единственное время, когда мы находимся в чистом существовании. Мы просто живем, не замечая, как стремительно течет время, не думая о будущем и не печальась о прошлом, живем все время в настоящем, где нет смерти. Даже если детство тяжелое и трудное, детской энергии хватает, чтоб удержаться в убеждении: жизнь на самом деле прекрасна! Что бы ни случилось, все будет хорошо, так все в мире устроено. Детство – это как бы образ будущей жизни в вечности, оно счастливо самим чувством бытия.

Поэтому самое ценное, что было в нашей жизни, – это воспоминания о днях детства.

Без святого и драгоценного, унесенного в жизнь из воспоминаний детства, не может и жить человек. Иной, по-видимому, так о том и не думает, а все-таки эти воспоминания бессознательно да сохраняет. Воспоминания эти могут быть даже тяжелые, горькие, но ведь и прожитое страдание может обратиться впоследствии в святую для души. Человек и вообще так создан, что любит свое прожитое страдание. Человек, кроме того, уже по самой необходимости склонен отмечать как бы точки в своем прошедшем, чтобы по ним потом ориентироваться в дальнейшем и выводить по ним хотя бы нечто целое, для порядка и собственного назидания. При этом самые сильнейшие и влияющие воспоминания почти всегда те, которые остаются из детства. А потому и сомнения нет, что воспоминания и впечатления, и, может быть, самые сильные и святые, унесутся и нынешними детьми в жизнь [Достоевский 1983, т. 25, с. 172–173].

Тем не менее пробиться к своим детским воспоминаниям, оживить в себе чувство странности и красоты мира, чувство родительской любви, в которой ты купался ежедневно, или рвущая сердце незаслуженная обида, – очень сложно. Загадочным и даже завораживающим является забывание первых лет жизни. А Белый писал, что с четырех лет исчезает бесследно на всю жизнь ряд неповторимых переживаний; и кто пробуждается к сознанию позднее, тот ничего не знает уже о целом пласте переживаний. Тот, кто проспал

свою трехлетнюю жизнь и проснулся к жизни четырехлетним, уже никогда не переживет того, что он мог бы пережить, если бы память у него была длиннее и сознание сложилось ранее [Белый 1989, с. 158–159].

З. Фрейд полагал, что за обрывками воспоминаний, относящихся к раннему детству, скрыты бесценные свидетельства самых важных черт духовного развития. В первые три-четыре года жизни фиксируются впечатления и вырабатываются способы реагирования на внешний мир, которые никаким позднейшим переживанием не могут быть лишены их значительности.

Детские воспоминания людей <...> вообще не фиксируются при переживании и не повторяются потом, как воспоминания зрелого возраста, но только впоследствии, когда детство уже окончилось, они воскресают, причем изменяются, искажаются, приспособляются к позднейшим тенденциям, так что их трудно бывает строго отделить от фантазий [Фрейд без года]².

Как далеко вглубь детства простираются наши воспоминания? Некоторые из подвергавшихся наблюдениям, писал З. Фрейд, относят свои первые воспоминания к шестому месяцу жизни, в то время как другие ничего не помнят из своей жизни до конца шестого и даже восьмого года. С чем же связаны эти различия в воспоминаниях детства, и какое значение они имеют? Мы слишком равнодушно относимся к фактам младенческой амнезии – утрате воспоминаний о первых годах нашей жизни и благодаря этому проходим мимо своеобразной загадки.

Мы забываем о том, какого высокого уровня интеллектуального развития достигает ребенок уже на четвертом году жизни, на какие сложные эмоции он способен; мы должны были бы поражаться, как мало сохраняется обычно из этих душевных событий в памяти в позднейшие годы; тем более, что мы имеем все основания предполагать, что эти забытые переживания детства отнюдь не проскользнули бесследно в развитии данного лица; напротив, они оказали влияние, оставшееся решающим и в последующее время. И вот, несмотря на это несравненное влияние, они забываются! Это свидетельствует о совершенно своеобразных условиях воспоминания (в смысле сознательной репродукции), до сих пор ускользавших от нашего познания [Фрейд 1990, с. 222].

² Всем известна фраза Л. Толстого: От пятилетнего ребенка до меня только миг, а от новорожденного до пятилетнего – страшное расстояние.

Анализируя сохранившиеся воспоминания детства, можно установить, что некоторые несомненно искажены, неполны либо смещены во времени или в пространстве. Сообщения опрашиваемых лиц о том, например, что их первые воспоминания относятся, скажем, ко второму году жизни, явно недостоверны. Причиной этих ошибок, полагал Фрейд, является не простая погрешность памяти. Могучие силы позднейшей жизни оказали свое воздействие на способность вспоминать переживания детства, вероятно, те же самые, благодаря которым нам вообще так чуждо понимание этих детских лет.

Невозможно разграничить детские фантазии и детские воспоминания, что пришло к нам из глубокой древности и что создано в индивидуальном существовании. Часто это одно и то же. Такое символическое, полное фантазии, расцвеченное метафорами восприятие, – видение и слышание – является важнейшим условием формирования детской души и впоследствии – формирования личности. Без этого мир становится скучным, банальным и бессмысленным. Тогда в этом мире гром – это уже не голос рассерженного бога, в реке не живет дух, змея не воплощает мудрость, а горная пещера – больше не жилище великого демона. Человек уже не слышит голоса камней, растений, животных, его контакт с природой исчез, а с ним исчезла и глубокая эмоциональная энергия, которую давала эта символическая связь [Юнг 1991, с. 86–87].

Яркие детские воспоминания, счастливые или несчастливые переживания остаются с человеком на всю жизнь. Остаются всякая радость и всякое горе, особенно горе – детские слезы как бы открывают экзистенциальное измерение жизни. Забыть свои обиды – значит предать себя.

Помните, – говорит Алеша Карамазов, обращаясь к детям, – всегда эту минуту, когда вы плакали. Это на всю жизнь останется, может быть, и верить не будете, и сердцем одеревенеете, а вот эту минуту чистых слез всегда помнить будете, таких минут немного, но они-то и спасают, они всегда спасают³.

³ «Лучшее, что хранится в тайниках памяти, – вне нас; оно – в порыве ветра с дождем, в нежилом запахе комнаты или в запахе первой вспышки огня в очаге – всюду, где мы вновь обнаруживаем ту частицу нас самих, которой наше сознание не пользовалось и оттого пренебрегало, остаток прошлого, самый лучший, тот, что обладает способностью, когда мы уже как будто бы выплакались, все-таки довести нас до слез... При ярком свете обычной памяти образы минувшего постепенно бледнеют, расплываются, от них ничего не остается, больше мы их уже не найдем» [Пруст 1976, с. 189].

Чаще всего именно память о переживании, случившемся в детстве, предваряет (а то и определяет) переломный момент в жизни героя. Почти обязательно перед принятием важного решения или перед совершением серьезного поступка человек оказывается во власти детского воспоминания. Например, такой детский сон об убитой лошади вспоминается Раскольниковым перед преступлением.

Связь детства и детской одаренности ребенка далеко не однозначна. Детство – это омут. Чем больше мы погружаемся в него, не решаясь разорвать ни одной связи с этим самым счастливым состоянием в жизни, тем меньше у нас шансов стать взрослым. Достаточно много взрослых и пожилых людей по сути своей – дети. Детство становится постоянным состоянием и теряет смысл. Годы бегут, а они, словно остановившись в своем развитии, продолжают оставаться наивными детьми и соответственно ведут себя в самых главных вопросах своей жизни – ведут себя беспомощно и глупо, когда нужно принять важное решение относительно своей судьбы или судьбы близких.

В то же время чем меньше мы погружаемся в этот омут, чем меньше нам удастся удержать в себе детскую непосредственность и силу воображения, чем меньше мы чувствуем магическую силу неожиданно всплывающих воспоминаний, тем больше становимся стандартными, скучными, механическими людьми.

Самое главное, что человек должен помнить из детства, – это самого себя. Каким я был, и что из прошлого осталось во мне и сейчас мне помогает или мешает жить? Это и есть воспоминание в подлинном смысле слова. Ведь это я продолжаю с моих незапамятных времен, с тех мгновений счастья, когда я жил в гармонии с миром, не замечая этого. Взрослый человек редко видит себя, он занят окружающим миром, людьми, обстоятельствами, проблемами. Ребенок как бы включает себя в любое увиденное явление. Однако постепенно переживания стираются из памяти, и он как бы повисает в воздухе, считается только с опытом, знаниями, умением, а под всем этим бродит мертвящая скука. Не на что опереться, счастье детства растворилось. Иногда в снах слышатся отголоски этого таинственного мироощущения. Ведь он не всегда был взрослым и даже сейчас, хотя бы во сне, пытается вернуться в детство.

Вспомнить нужно самого себя, а это большая проблема, потому что за долгие годы сыграно столько ролей, пережито столько идей и представлений, что он затерялся среди этого шума, весь сделанный, искусственный. И остается только время от времени недоумевать: а где тот мальчик, может быть, никакого мальчика и не было?

Помнить себя – значит помнить вкус первой земляники, острый запах гниющих водорослей, выброшенных утром на берег моря, помнить мурашки, бегущие по спине, когда лунной ночью деревья на опушке кажутся угрюмыми великанами, – и тысячи других мгновений, остановленных и живущих в памяти.

Причиной тому, что мы плохо помним раннее детство, в меньшей степени выступает подавление, скорее, дело в утрате тех чувственных воспоминаний, о которых взрослые даже и мечтать не могут. В схематизме памяти взрослых нет места для запахов, вкусов и других ярких ощущений, или для до-логического и магического мышления раннего детства. Глубинный чувственный опыт забывается, если не вписывается в социальные рамки [Лоуэнталь 2004, с. 318].

Чем глубже человек опускается в детские воспоминания, тем больше в нем проступают подлинно человеческие черты: простота, доверчивость, искренность, чувство истины и добра. В такие минуты он чувствует себя дома. Наш дом, наша родина – это годы нашего детства, мы все время сознательно или бессознательно ищем ее, перебираем воспоминания, жалеем, что многое забылось навсегда, а то, что помнится, – лишь отголосок давно ушедших лет, в которые мы никогда не сможем вернуться. Мы все время переживаем чувство покинутости, бездомности, все время ищем свою родину и не можем найти, потому что ее уже давно нет и никогда не было как некой волшебной страны. Но без этих поисков нас тоже нет.

Возвращение к детству – это не утопическое стремление, а необходимый этап духовного развития человека. Чем больше человек взрослеет (и годами и умом), тем более важную роль играет этот мотив «возвращения». «Старость бывает разная: одни старики “впадают в детство”, другие постепенно, сознательно и радостно возвращаются к нему» [Пришвин 2017, с. 17]. Воспоминания вообще – основное занятие, позволяющее нам пребывать в духе, а воспоминания детства дают нам почувствовать, что мы по-прежнему живы. Воспоминания заряжают нас своей энергией и не дают закрыться горизонту прошлого, в котором мы были талантливы, оригинальны, полны уверенности в счастливом будущем. У живого человека прошлое не скрывается в сгущающихся сумерках прошедших лет, а с каждым днем становится светлее.

Литература

- Белый 1989 – *Белый А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания в трех книгах. Книга первая. М., Художественная литература, 1989. 563 с.
- Достоевский 1981, 1983 – *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя // Полн. собр. соч. В 30 т. СПб.: Наука, 1981. Т. 23; 1983. Т. 25.
- Лоуэнталь 2004 – *Лоуэнталь Д.* Прошлое – чужая страна. СПб.: Владимир Даль, 2004. 623 с.
- Ницше 1990 – *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 829 с.
- Пришвин 2017 – *Пришвин М.М.* Дневники. 1952–1954 гг. СПб.: Росток, 2017. 832 с.
- Пруст 1976 – *Пруст М.* Под сенью девушек в цвету. М.: Художественная литература, 1976. 248 с.
- Розанов 1999 – *Розанов В.В.* Семя и жизнь // Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 636 с.
- Франк 1990 – *Франк С.Л.* Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. 608 с.
- Фрейд без года – *Фрейд З.* Леонардо да Винчи. Воспоминания детства. М.: Пг., б.г. // Библиотека Гумер. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Freid/leon_vin.php. (дата обращения 30 октября 2018).
- Фрейд 1990 – *Фрейд З.* Психопатология обыденной жизни // Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990. 448 с.
- Юнг 1991 – *Юнг К.* Об архетипах коллективного бессознательного // Юнг К. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 300 с.

References

- Belyi, A. (1989), *Na rubeze dvuh stoletij, Memuari dvuh vekov. Kniga pervaja* [At the turn of two centuries. Memories in three books. Book One], Khudozhestvennaya Literatura, Moscow, Russia.
- Dostoevsky, F.M. (1981, 1983), “*Diary of a writer*”, in Dostoevsky, F.M. *Poln. sobr. soch. V 30 t.* [Complete works. In 30 vols.], Nauka, Saint Petersburg, Russia, vol. 23; vol. 25.
- Lowental, D. (2004), *Proshloe – chuzaja strana* [The past is a foreign country], Vladimir Dal', St. Petersburg, Russia,
- Nietzsche, F. (1990), “Thus spoke Zarathustra”, in Nietzsche, F., *Sochineniya v 2 t. T. 2.* [Writings in 2 vols. V. 2], Mysl', Moscow, Russia.
- Prishvin, M.M. (2017), *Dnevniky 1952–1954* [Diaries 1952–1954], Rostok, St. Petersburg, Russia.
- Prust, M. (1992), *Pod senju devushek v cvetu* [Under the canopy of girls in bloom], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia.
- Roazanov, V.V. (1990), “Seed and life”, in Roazanov, V.V., *Sochineniya v 2 t. T. 1.* [Writings in 2 vols. V. 1], Pravda, Moscow, Russia.
- Frank, S.L. (1990), “Incomprehensible. Ontological introduction to the philosophy of religion”, in Frank, S.L., *Sochineniya* [Writings], Pravda, Moscow, Russia, pp. 183–527.

- Freud, Z. *Leonardo da Vinci. Vospominaniya detstva*, [Leonardo da Vinci. Childhood memories], М., Pg., В., *Biblioteka Gumer* available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Freid/leon_vin.php. (Acceded October 30 2018).
- Freud, Z. (1989), “Psychopathology of everyday life”, in Freud, Z., *Psikhologiya bes-soznatel'nogo* [Psychology of the unconscious], Prosveschenie, Moscow, Russia.
- Jung, K. (1991), “On the archetypes of the collective unconscious”, in Jung, K., *Arkhetip i simvol* [Archetype and Symbol], Renessans, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Валерий Д. Губин, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; goubin@list.ru

Information about the author

Valery D. Gubin, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, GSP-3, 125993; goubin@list.ru